

© 2010 г.

М.А. ГАРЕЕВ

ОБ УРОКАХ И ОПЫТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Обращаясь к событиям Великой Отечественной войны, мы еще раз осознаем, что в истории человечества есть годы, не укладывающиеся в рамки обычных календарных измерений, годы, которые по величию свершенных дел и воинских подвигов, по всенародному воодушевлению и напряжению всех сил страны равняются целым десятилетиям.

Такими годами, составившими важнейший этап в истории нашей Родины, были годы Великой Отечественной войны. Они предопределили не только судьбу народов нашей страны, но и спасли Европу и весь мир от угрозы фашистского порабощения. Это была всемирно-историческая победа, достигнутая совместными усилиями СССР, США, Великобритании, Китая и других стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил (ВС).

Война эта складывалась для нас очень трудно. Были отчаянные трагические дни и ночи 1941 г., лета 1942 г., когда мы потеряли основной состав нашей кадровой армии и огромные территории. Были и выдающиеся победы под Москвой, Сталинградом, Курском, блестящие наступательные операции 1944–1945 гг., завершившиеся сокрушительным поражением нацистской Германии и империалистической Японии и продемонстрировавшие высочайший уровень советского военного искусства.

В последнее время за рубежом и в нашем Отечестве предпринимается много попыток дискредитировать нашу победу, изобразить дело так, что германские генералы и войска во всем действовали безупречно, а мы воевали бездарно. Поэтому вроде бы и победу нельзя считать за победу. Но итоги войны определяются тем, какие цели преследовали воюющие стороны и как они фактически достигнуты. Гитлеровцы хотели поработить нашу страну, лишить ее всякой государственности и обратить наши народы в рабство. Главная цель нашей страны состояла в том, чтобы отразить агрессию, освободить свою и другие оккупированные фашистами страны и покарать агрессора. И в итоге войны не фашистские войска пришли в Москву, Ленинград или Лондон, а советские войска и их союзники вступили в Берлин, Кенигсберг, Харбин и Токио. А нацистская Германия и ее вермахт, Японская империя и ее армия вообще перестали существовать.

Это главный исторически свершившийся факт, отменить который никому не дано.

На советско-германском фронте германское военно-политическое руководство использовало подавляющую часть своих войск и войск европейских союзников. Ни на одном из фронтов в ходе Второй мировой войны не находилось столько личного состава и разнообразной военной техники, сколько было на советско-германском

Гареев Махмут Ахметович – генерал армии, доктор исторических и военных наук, президент Академии военных наук.

В основу статьи положен доклад М.А. Гареева, прочитанный 6 марта 2010 г. на военно-научной конференции Академии военных наук совместно с руководящим составом ВС РФ.

фронте. Здесь в течение всей войны действовало в среднем до 70% дивизий германской армии.

Ни на одном из фронтов Второй мировой войны не было столь продолжительных, непрерывных и ожесточенных военных действий, как на советско-германском фронте. С первого до последнего дня, днем и ночью здесь шли кровопролитные сражения, которые в разное время охватывали или весь фронт или значительные его участки.

Приняв на себя удар основных сил гитлеровской Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно здесь решился исход Второй мировой войны. Советскими войсками было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий сателлитов Германии, почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны.

На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли 10 млн. чел. убитыми, ранеными и пленными – более 73% общих потерь за войну, составивших 13,6 млн. чел. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. (более 75%) самолетов, около 50 тыс. (до 75%) танков и штурмовых орудий, 167 тыс. (74%) артиллерийских орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов.

Советско-германский фронт не только приковывал к себе основные силы вермахта, но и резко отличался от других продолжительностью вооруженной борьбы и ее напряженностью. Из 1418 дней его существования активные боевые действия сторон здесь велись 1320 дней. Все остальные фронты и театры военных действий характеризовались значительно меньшей напряженностью. Так, на североафриканском фронте из 1068 суток его существования активные действия велись лишь 309 суток, а на итальянском – 492 из 663 суток.

Небывалым в истории был пространственный размах вооруженной борьбы на советско-германском фронте. С первых же дней она развернулась здесь на рубежах протяжением свыше 4 тыс. км. К осени 1942 г. фронт превысил 6 тыс. км. В целом, протяженность советско-германского фронта была в четыре раза больше североафриканского, итальянского и западноевропейского, вместе взятых. О глубине территории, на которой происходило военное противоборство Советской Армии с армиями фашистского блока, можно судить по тому, что советские войска прошли от Сталинграда до Берлина, Праги и Вены более 2,5 тыс. км.

Эта была величайшая победа, достигнутая в ожесточенной борьбе с очень сильными противниками. И главная задача всей нашей патриотической, воспитательной работы состоит в том, чтобы прочно закрепить в сознании общества и всего личного состава Вооруженных Сил и других войск величие и незаблемость этой победы. Это важнейший фундамент для построения новой России и ее движения вперед.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев издал Указ о противодействии попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹. И эту задачу должна решать не только созданная им комиссия, все мы должны активно участвовать в этой работе.

Главный смысл изучения опыта войны – это извлечение уроков и выводов для строительства и подготовки ВС в современных условиях. А это можно сделать только в том случае, если все эти явления будут рассматриваться в развитии, в их преемственной связи между собой.

С 20-х годов XX в. популярным стало высказывание британского политика Ллойд Джорджа о том, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Ллойд Джордж сказал эти слова после Первой мировой войны, когда генералам и политикам стало ясно, что они готовились не к той войне, которая реально состоялась.

---

¹ Указ Президента РФ от 15.05.2009 №549 “О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России”. – <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID-052421>

Мы не будем готовиться к прошлой войне, мы должны ориентироваться на будущее. Каждая война – уникальна, неповторима; каждый раз решения командиров и боевые действия иные. Основной закон военного искусства и состоит в максимальном соответствии решений и действий конкретно сложившимся условиям обстановки.

В чем тогда смысл изучения опыта войны? Есть ли в опыте Великой Отечественной войны и локальных войн, прошедших после нее, что-то такое, что сегодня заслуживает внимания? До конца ли извлечены уроки этих войн?

Разумеется, различны политические цели и социально-экономические условия войн, которые ведутся в различные эпохи, несопоставимы мощь оружия и размах вооруженной борьбы и многие другие показатели.

Однако, несмотря на непрерывное развитие военного дела, невозможно отрицать существование, если не вечных, то, во всяком случае, живущих многими веками ценностей и положений. Воинские доблести – такие, как творчество и новаторство, умение предвидеть развитие событий, выдержка и мужество, инициативность, смелость и решительность, в разные времена проявляются в различных условиях и формах, но не теряют своей ценности и значения.

В итоге возникает накапливаемый веками боевой опыт – ступок военной мудрости, впитавший в себя все положительное и негативное, что было в военной истории, осмысливание и творческое использование которого незримо связывает между собой ратное дело разных поколений².

В США создан Институт стратегии, который изучает природу стратегии, долгосрочных действий применительно к разной деятельности – бизнесу, дипломатии, политике. Но за основу взята военная стратегия – наиболее сложная сфера стратегической деятельности. Этот институт выпустил книгу “Стратегия управления по Клаузевицу”, которая с интересом изучается и преподается во многих высших школах бизнеса и менеджмента.

Если высказанные Клаузевицем 200 лет назад стратегические идеи и сегодня актуальны для бизнесменов, других гражданских специалистов, то тем более они важны для людей военных. Боевой опыт 65-летней давности, наследие Жукова, Рокоссовского, Василевского, Эйзенхауэра, Монтгомери, де Голля и других полководцев тоже не может потерять своего значения. Кстати, книгу Клаузевица “О войне” у него на родине, в Пруссии, не сразу признали. Она не нужна была прусской армии, ставшей подсобной силой у Наполеона. Когда Пруссия стала на самостоятельный путь развития, пригодилась и эта книга. Отношение к опыту войны и обороне страны зависит от того, как понимается главное предназначение армии.

В.В. Путин призвал нас не забывать военные традиции России. “В них, – говорил он, – опыт многих поколений офицеров, посвятивших себя ратной службе. Обращение к этим истокам помогает нам решать и современные военные задачи”³.

Какие же уроки войны особенно актуальны для наших дней, какой опыт может нам помочь решать современные задачи?

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

В научном плане мы имеем право высказаться по этому старому, избитому вопросу: он относится не только к деятельности высших сфер, но и касается судеб всех людей, кто в различных звеньях, в том числе на поле боя, выполняет принятые наверху политические и стратегические решения. В прошлом, если не считать некоторые отклонения времен германского генерала Мольтке-старшего, всегда был общепризнанным примат политики, ее главенствующее значение по отношению к военной стратегии.

---

² См. об этом: *Гареев М.А.* Опыт победителей в Великой войне не может устареть. – Независимое военное обозрение, 12.III.2010.

³ *Денисов В.* В Кремле состоялся традиционный прием Президента России в честь выпускников военных вузов. – Красная Звезда, 26.VI.2004.

Вместе с тем всегда было очевидным, что политику нельзя превращать в самоцель, политики в чистом виде не существует, она жизненна, когда в совокупности учитывает все важнейшие факторы, в том числе и военно-стратегические, что надо считаться и с обратным влиянием стратегии на политику.

Нежелание политического руководства СССР считаться с этой объективной закономерностью, усугубленное коварной изощренной дезинформацией со стороны Гитлера, привело Красную Армию к катастрофе 1941 г.: в начале войны мы потеряли основную часть кадровой армии. Сталин хотел любой ценой оттянуть начало войны и этому все подчинил. Он не разрешал приводить в боевую готовность войска первого эшелона, осуществлять мобилизацию. 14 июня 1941 г. последовало заявление ТАСС о том, что нападения Германии на СССР не ожидается. Командующие войсками округов, исходя из этого, отправляли на полигоны артиллерию и зенитные части, поскольку они после формирования ни разу еще ни стреляли.

В наркомате иностранных дел говорили, что это сообщение ТАСС было сделано для политического зондажа. Но ведь дипломатическое ведомство и Генштаб могли договориться между собой и предупредить об этом округа, флоты. Но это не было сделано.

До сих пор спорят о том, началась ли война внезапно или нет. Для тех, кто судит о событиях того времени, исходя из того, что сегодня известно и о нашей стороне, и о противнике, вроде бы и не должно было быть никакой внезапности. Но если поставить себя на место людей того времени, когда сам глава государства уверовал в то, что войны пока не будет и требовал от всех исходить из этого, то тогда не трудно понять, почему начало войны, которую все ждали, оказалось таким неожиданным. Политика предотвращения войны, не подкрепленная должной боевой готовностью ВС и четкой постановкой им задач, оказалась не состоятельной. Как определили задачу военным округам за несколько часов до войны: войска привести в боевую готовность, но “на провокации не поддаваться”. Враг перешел границу, бомбит и стреляет. Что делать? Разве командир полка на поле боя должен отвечать на этот вопрос?

Но так тогда случилось. Извлечены ли уроки из этого?

В 1979 г., когда на Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о вводе советских войск в Афганистан, начальник Генштаба ВС Н.В. Огарков набрался мужества и выступил против этого. Ему Ю.В. Андропов ответил: “У нас есть кому заниматься политикой. Вы решайте поставленную военную задачу”. Войскам, направленным в Афганистан, поставили задачу: выполнять интернациональный долг. До сих пор твердят о том, что мы в Афганистане должны были стать гарнизонами и не втягиваться в боевые действия. Но заведомо было ясно, что невозможно войскам прийти в страну, где идет гражданская война, и попытаться остаться в стороне. По Чечне в 1994 г. в распоряжении правительства было сказано: “Разоружить бандформирования”, хотя войскам предстояло сражаться против хорошо вооруженной дудаевской армии. Не было введено даже военное или чрезвычайное положение, что поставило армию в сложное правовое положение.

Как видите, уроки из опыта 1941 г., хотя и затянувшиеся, рано или поздно надо извлекать. Последнее и решающее слово за политическим руководством, но в выработке важнейших военно-политических решений должны принимать участие и военные профессионалы, как и другие специалисты, иначе политика не будет жизненной. Главное, политики, дипломаты обязаны создавать благоприятные условия для действий ВС. В стратегии национальной безопасности РФ сказано, что Россия в деле обеспечения своей национальной безопасности приоритетное значение придает политико-дипломатическим, экономическим, информационным и другим невоенным средствам. Но эти средства, формы и способы обеспечения национальной безопасности должным образом не задействуются – все кончается применением военной силы. Нужно, видимо, повышать ответственность и тех органов, кто призван предотвращать конфликты невоенными средствами.

О БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ И БОЕСПОСОБНОСТИ ВОЙСК (СИЛ) К ОТРАЖЕНИЮ ПЕРВОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УДАРА ПРОТИВНИКА

Накануне войны в 1941 г. подготовленность страны в целом к обороне и боееспособность вооруженных сил были значительно выше, чем их боевая готовность. Поэтому всю мощь государства и армии в полной мере не удалось реализовать. У нас и сегодня в энциклопедиях и учебниках бытует определение, включающее в понятие боевой готовности и моральный дух, и обученность личного состава, и все другие вопросы. Но боееспособность и боевая готовность войск (сил) – это не одно и то же. Боееспособность – это степень их вооруженности, укомплектованности, рациональной организации и управления, обученности и морального состояния личного состава. Боевая готовность – способность немедленно приступить к выполнению боевых задач и с максимальной полнотой реализовать свои потенциальные боевые возможности.

В современных условиях значение своевременного приведения армии и флота в боевую готовность многократно возрастает. Ибо агрессор выбирает время нападения и заранее изготавливается для удара, а для страны, подвергшейся нападению, еще требуется время для приведения вооруженных сил в готовность для отражения агрессии или антитеррористических действий.

Но система специальных мероприятий по поддержанию постоянной боевой готовности войск, кроме, может быть, стратегических ядерных сил, у нас явно недооценивалась.

Казалось бы, опыт 1941 г. должен научить нас на все времена. Но вот уже после войны, в 1969 г. случился пограничный конфликт на о. Даманском и, чтобы отправить на усиление пограничников один или два батальона, всем округом собирали людей, средства связи, разведки. В более крупном масштабе это повторилось при отправке войск в Афганистан.

Во время чеченских событий наспех мобилизовали людей и технику не только военных округов, но и Тихоокеанского флота. Какая же это боевая готовность? В свете этого создание в настоящее время соединений постоянной боевой готовности, готовых немедленно приступить к выполнению боевых задач, давно назрело. Это решение надо настойчиво проводить в жизнь.

Настало время по достоинству оценить решающее значение не только начального периода войны, но и, прежде всего, первого стратегического удара. Хорошо известно, в какое тяжелейшее положение попала наша армия в первые месяцы войны. Не случайно еще в мае 1941 г. Г.К. Жуков предлагал упреждающим ударом сорвать развертывание и готовившееся нападение германской армии, но его план не был принят Сталиным, так как он не соответствовал военно-политическим целям, направленным на оттягивание сроков начала войны. В ходе Маньчжурской стратегической операции 1945 г. наш первый ошеломляющий удар предопределил разгром японской Квантунской армии и успех всей операции.

И сегодня в деле борьбы с терроризмом руководители ряда стран все больше говорят о необходимости упреждающих, превентивных ударов.

С учетом всего этого, как показывает опыт войны в районе Персидского залива, в Югославии, Афганистане, Ираке, противостоять первому массированному удару, ориентируясь только на ответные действия, невозможно. Формально оборонительный характер военной доктрины исключает возможность первым начинать военные действия. Но это не значит, что при нападении противника мы всегда должны ориентироваться только на ответные оборонительные действия.

При хорошо поставленной разведке, установив приготовления противника к нападению, можно заранее привести в боевую готовность ударные средства и буквально с первых минут военных действий нанести ответно-встречные удары по его ракетным, авиационным и морским дальнобойным средствам. Построение и организация такой операции имеют много особенностей, и их нужно разрабатывать и осваивать применительно к современным условиям.

Особое значение имеет поддержание высокой боевой готовности войск и сил флота, чтобы все боевые элементы и средства управления, обеспечения и спасения всегда были готовы к применению.

В теории у нас много и правильно говорится, что каждый солдат должен знать и видеть обстановку в реальном масштабе времени. Но примеры с 12-й погранзаставой в Таджикистане в 1993 г.; с 6-й десантной ротой в Чечне в 2000 г., двое суток сражавшейся в одиночку, не получая поддержки от вышестоящих инстанций; события в Ингушетии и Южной Осетии в 2008 г. показывают, как еще далеко до этого.

Все это говорит о том, что вопросы боевой готовности надо не растворять среди других вопросов боеспособности войск (сил), а выделять их и держать на первом плане. И для этого требуется не только создание частей постоянной боевой готовности, но и всемерное повышение ответственности командующих, командиров и штабов в войсках и на флотах за поддержание боевой готовности.

О ПРЕДВИДЕНИИ ХАРАКТЕРА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ БУДУЩЕГО

Наша довоенная военная теория относительно надвигавшейся войны многое предвидела в основном правильно. И масштабы этой войны и что для ее ведения потребуются мобилизация всех сил и возможностей страны, массовые многомиллионные армии, оснащенные авиацией, танками и другим современным вооружением.

В принципе признавалось, что необходимо рациональное сочетание как “стратегии измора”, так и “стратегии сокрушения”. Была разработана “теория глубокой операции”. Под эти доктринальные взгляды была создана соответствующая материальная и идеологическая база. Проведена индустриализация страны, создана мощная промышленность. Достаточно сказать, что, несмотря на все потери 1941–1942 гг., в 1943 г. наша промышленность производила ежедневно 100 боевых самолетов. Германия в том же году производила около 70 самолетов в день.

В короткие сроки были сформированы новые авиационные и танковые соединения. Но к началу войны они не были полностью укомплектованы личным составом, боевой техникой, особенно низкой была укомплектованность автотранспортом. Хронической застарелой болезнью была и остается на сегодня недооценка значения ремонтных подразделений, вообще полевой ремонтной базы. В 1941 г. во вновь создаваемых соединениях была крайне недостаточной боевая выучка экипажей танков и самолетов. В 1940–1941 гг., когда шло массовое развертывание новых формирований, надо было усиленно заниматься их боевой выучкой. Но наркомат обороны и Генштаб издавали директиву за директивой об ограничении расхода и экономии горюче-смазочных материалов (ГСМ). У немцев был железный закон: ни при каких обстоятельствах, ни при какой срочности формирований не сажать на боевую технику неподготовленные экипажи. У нас, к сожалению, это не всегда соблюдалось. Историки до сих пор недоумевают по поводу массовых потерь танков и другой боевой техники в начале войны. Но 50–60% танков вышли из строя до выхода соединений в районы предназначения или на рубежи развертывания для контрударов исключительно из-за слабых навыков механиков-водителей, из-за невозможности устранить даже незначительные неисправности в ходе марша.

Извлечены ли уроки из этого? Если сегодня сравнить, какой процент занимают подразделения ремонта, снабжения ГСМ и боеприпасами у американцев и у нас, то увидим, что у нас эта сторона дела по-прежнему недооценивается.

Если говорить об оперативно-стратегической стороне дела, то в нашей теории и практике существовало смутное представление о том, как может сложиться начальный период войны, как должны действовать войска в случае внезапного нападения противника.

Предполагалось, что все будет происходить как и в Первую мировую войну, когда в ходе приграничных сражений под прикрытием передовых соединений будет осу-

шествляться мобилизация и развертывание основных сил для решающих сражений. Но в 1941 г. нашим приграничным округам противостояли заранее отмобилизованные и развернутые группировки немецких войск, готовые в любой момент нанести удар. По своему оперативному положению наши войска не были в полной мере готовы ни к обороне, ни к наступлению. Причем опыт показывает, что командующим, командирам еще в мирное время надо не только наметить схему предстоящих боевых действий, но и реально осмыслить, как будет вести себя противник и как организовать действия своих войск.

После войны во время командно-штабных учений на Дальнем Востоке под руководством маршала Р.Я. Малиновского генерал В.Ф. Маргелов докладывал решение на десантирование воздушно-десантной дивизии на один из островов. По окончании доклада один из генералов задал Маргелову вопрос: “Скажите, а сколько потребуется времени для повторного десантирования Вашей дивизии?”.

Маргелов долго молчал, а затем со вздохом ответил: “Мы в 1941 г. один корпус уже высадили под Вязьмой. Так он до сих пор собирается”. Какой вопрос, такой и ответ. Моя мысль состоит в том, что самое опасное в военном деле – бесплодное теоретизирование и фантазирование в отрыве от жизни, от реальных обстоятельств.

И сегодня нередко говорят и пишут в разных статьях, что новая война будет носить высокоманевренный характер, не будет сплошных фронтов, следовательно, не придется заниматься прорывом обороны. Все цели будут поражаться высокоточным оружием по мере их обнаружения, поэтому отпадает необходимость в артиллерийской или авиационной подготовке, вообще в организации централизованного огневого поражения. Возможно, война так и начнется. Ведь так начинались и Первая и Вторая мировые войны, Корейская война в 50-х годах и другие войны. С началом военных действий противостоящие стороны стремятся в первую очередь использовать разрывы в построении войск, выйти во фланг и тыл противника. Ни одна из сторон не хочет, чтобы по тылам и коммуникациям, районам расположения аэродромов передвигались рейдовые отряды противника.

Возникает необходимость прикрыть разрывы линии фронта и открытые фланги и, если война затянется, то на некоторых стратегических направлениях на определенное время может образоваться относительно сплошной фронт. Тогда может потребоваться и прорывать оборону и осуществлять централизованное огневое поражение противника.

Установки на то, что все огневые средства противника надо уничтожать высокоточным оружием немедленно, по мере их обнаружения – это тоже из области фантазий. Но боеприпасов на любой войне как не хватало, так и не будет хватать, тем более к высокоточному оружию. Поэтому важнейшие огневые задачи нужно будет решать периодически. Другое дело, что формы и способы решения этих задач будут существенно меняться и их потребуется решать по-новому.

После Гражданской войны некоторые архи-революционные идеологи бросили клич, что надо полностью отказаться от позиционных форм ведения боя, от рытья траншей и ходов сообщения. Говорили, что революционно сознательный боец может сидеть в отдельной ячейке и самостоятельно решать боевые задачи, ему не нужны траншеи.

Но с началом войны оказалось, что по открытому полю, без траншей и ходов сообщений с этими бойцами невозможно общаться командирам и политработникам, подавать бойцам пищу и боеприпасы, вытаскивать в случае ранения, маневрировать огневыми средствами, не говоря уже о том, что все это приводило к неоправданным потерям личного состава. Опыт всех войн показал, насколько спасительна земля – в нее надо уметь вгрызаться при всякой возможности. Это обеспечивает и живучесть войск и техники. Это особенно важно при современных средствах поражения.

СЕТЕ-ЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ⁴

Это, конечно, исключительно прогрессивное дело, которое надо и теоретически разрабатывать, и практически осваивать, а главное создавать для этого необходимую технологическую основу. С учетом этого, как в общих чертах рисуется характер будущих войн и операций? Эталоном военной мысли и практики считается война стран НАТО против Югославии. Суть ее в том, что дальнобойным, высокоточным оружием наносились удары по центрам управления, мостам, дорогам, другой инфраструктуре, по больницам, школам, делают главным заложником мирное население и вынуждают страну капитулировать. Иногда так и говорят: в случае конфликта сухопутные войска не надо посылать; несколько десятков ракет способны подорвать экономику противника и вынудить его капитулировать. Но реально в Афганистане, например, давно уже вся экономика разрушена. В Афганистан посланы войска 44 стран, США перебрасывают туда еще 30 тыс. солдат. Но война продолжается. Не все страны будут так легко подавляться, как это было в Югославии или Ираке.

В связи с этим не для критики, а в порядке научного анализа зададимся вопросом: если подобная теория войны является наиболее “передовой” и “эффективной”, то почему мы в августе 2008 г. таким, с позволения сказать, “демократическим” способом не воевали с грузинскими агрессорами. Фактически боевые действия там мало отличались от того, что было в прошлую войну. В соответствии с канонами “сете-центрической войны” мы должны были бы никаких танковых контратак не предпринимать, сухопутные войска вообще не задействовать, разбомбить все главные объекты, разрушить коммуникации, заставить Грузию капитулировать. Почему мы так не сделали?

Во-первых, видимо, потому, что это не входило в политические цели войны с нашей стороны. Ставилась задача защитить наших миротворцев и российских граждан. И, конечно, из гуманитарных соображений. Такой способ ведения войны, который был применен против Югославии – это разбой и ООН когда-то должна объявить запрет на такие варварские действия.

Во-вторых, нам пока нечем так воевать, не достает еще многих средств, необходимых для ведения сете-центрической войны. Даже американцы планируют создать техническую базу для этого к 2015 г.

В-третьих, если говорить откровенно, нам бы никто и не позволил так воевать против страны, готовящейся к вступлению в НАТО. Реакция в мире была бы самой непредсказуемой. Для того чтобы так решительно действовать, нужна готовность не только к локальным войнам, но и более прочный запас политических, экономических, информационных и военных ресурсов.

Все это говорит о том, что при разработке самых передовых современных теоретических и доктринальных установок нужно строже сверять их с жизненными обстоятельствами, более внимательно прислушиваться и учитывать глубинные закономерности развития военного искусства, под влиянием каких факторов возникают новые формы и способы вооруженной борьбы.

При всех обстоятельствах следует не забывать, что в области военной науки есть как подлинно научная информация, так и элементарная дезинформация, которая распространяется в частности и некоторыми отечественными неправительственными организациями и “экспертами”. Во всяком случае, не надо заблуждаться и искать какие-то высокие материи там, где все более банально и просто.

---

⁴ Сете-центрическая война позволяет перейти от войны на истощение к более скоротечной и более эффективной форме, для которой характерны две основных характеристики: быстрота управления и принцип самосинхронизации. Авторами концепции сете-центрической войны считаются вице-адмирал ВМС США А. Себровски и Дж. Гарстка. Опубликованная ими статья “Сете-центрическая война: ее происхождение и будущее” стала своеобразным манифестом новой концепции. – *Cebrovski A., Garstka J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future.* – Proceedings, 1998, № 1.

Какой бы туман не напускали вокруг, например, иракской войны 2003 г., на деле очевидно, что в этой войне самым эффективным “высокоточным оружием” были доллары. Все там было продано и куплено. Сейчас американцы таким же путем хотят умиротворить Афганистан. На какое-то время это даст результаты, но ненадолго.

О НАСТУПЛЕНИИ И ОБОРОНЕ

Опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что объективно основным способом боевых действий может быть только наступление. Без наступления невозможно достичь победы. Однако для успешного ведения войны нужно умелое сочетание как наступательных, так и оборонительных действий. Но к обороне тоже надо относиться серьезно. За недооценку обороны нам в начале Великой Отечественной войны пришлось жестоко расплачиваться.

Иногда говорят, что в начале войны советские войска вообще не собирались обороняться, а сразу же должны были переходить в наступление. Но это не так. По имеющимся оперативным документам, воспоминаниям участников войны, видно, что в действительности приграничные военные округа имели задачу: силами армий прикрытия отразить наступление противника и затем вводом в сражение основных сил переходить в наступление.

Как видите, собирались обороняться. Но неправильно представляли себе характер оборонительных операций. Оборона рассматривалась как кратковременные действия по отражению вторжения противника с быстрым переходом в наступление. Оборона в стратегическом масштабе с использованием основных сил вообще не предусматривалась. К таким действиям пришлось переходить уже в ходе войны под давлением неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Не учитывалось, что отражение превосходящих сил противника невозможно осуществить лишь частью сил. Для этого требуется ведение ряда напряженных и длительных оборонительных операций и сражений.

Как уже отмечалось, с началом войны большинство дивизий первого эшелона вообще не успели выйти на установленные рубежи и занять оборону. Например, с началом войны 75-я стрелковая дивизия в районе г. Малорита Брестской области совершала марш-бросок навстречу развернутым в боевой порядок танковым частям противника.

Если бы дивизии первого эшелона успели занять оборону, то смогли бы оказать противнику более организованное сопротивление, чем это получилось в начале войны. Но говоря объективно, и при этом условии наши стрелковые дивизии, слабо оснащенные противотанковыми средствами, были не в состоянии противостоять ударам артиллерии, танков и пехоты противника, который на направлениях главных ударов создавал 5–6-кратное превосходство в силах и средствах. Об этом можно судить по примеру Курской битвы в 1943 г. Как известно, там мы не вынужденно, а заранее преднамеренно переходили к обороне, имея общее численное превосходство над противником, создали глубокоэшелонированную оборону на глубину до 150–200 км с высокой плотностью артиллерии и противотанковых средств. Но, несмотря на все это, немецко-фашистским войскам в полосе Воронежского фронта удалось прорваться на глубину до 30–35 км, и, если бы не силы Степного фронта – резерва Ставки Верховного главнокомандования (ВГК), противник, возможно, мог бы продвинуться и дальше. Какой же урок мы извлекли из всего этого?

В наших современных уставах, энциклопедиях, учебниках записано, что оборона – вид боевых действий, применяемый с целью отражения наступления превосходящих сил противника. Значит, при обороне упор делается на решении задач меньшими силами. В печати нередко можно встретить утверждения, что для обороны достаточно иметь в 2–3 раза меньше сил и средств, чем для наступления, что вообще при оборонительном характере военной доктрины можно обойтись минимально необходимой армией. Эти вопросы касаются не только ВС. Мы призваны способствовать формированию правильного общественного мнения по этим проблемам. Но главное в том, что

опыт Первой и Второй мировых войн такие утверждения не подтвердил. За время Великой Отечественной войны не было ни одной успешной оборонительной операции, проведенной значительно меньшими силами, чем у наступающего противника. Конечно, когда сил и средств недостаточно, нет другого выхода, как переходить к обороне и определенное время удерживать занимаемый рубеж. Но если противник переходит в наступление с решительными целями, то, располагая значительно меньшими силами, остановить его и тем более сорвать наступление и нанести поражение наступающему противнику далеко не всегда осуществимо. В 1941–1942 гг. удавалось остановить наступление противника лишь после длительного отступления на сотни километров и ввода в сражение свежих резервов.

В ходе оборонительной операции на Сталинградском направлении из резерва Ставки было переброшено 87 новых соединений – это в 2 раза больше, чем было к началу оборонительной операции. Возможно отражение атак превосходящих сил противника в обороне в тактическом звене. Но в оперативно-стратегическом масштабе при наличии мощных средств огневого поражения и высокой маневренности войск и авиации наступающий, владея инициативой, имеет возможность создавать многократное, подавляющее превосходство на избранных направлениях; для парирования его глубоких прорывов нужны крупные силы.

Поэтому, как показал опыт войны, для проведения оборонительной операции, рассчитанной на успешное отражение и срыв крупного наступления противника, требуется не намного меньше сил и средств, чем для наступления, что подтвердилось, например, в оборонительных операциях в Венгрии у озера Балатон в конце войны. Этот опыт желательнее учитывать при организации обороны в современных условиях.

Исходя из опыта прошлых войн, характера вооруженной борьбы в целом, необходимо ответить на вопрос, для ведения каких войн и для решения каких оборонных задач необходимо строить и готовить Вооруженные Силы и другие войска.

В соответствии с новой военной доктриной, для ВС РФ и других войск первоочередной становится готовность к выполнению боевых задач в локальных войнах, вооруженных конфликтах и антитеррористических операциях. При этом надо иметь в виду, что и локальные войны и конфликты в наше время порою весьма широки по масштабам и характеру боевых действий. Например, в Корейской войне с обеих сторон участвовало 2,5 млн. человек. В зоне Персидского залива в 1991 г. – было задействовано 10 тыс. танков: это больше, чем в Берлинской операции в 1945 г. Да и борьба с террористами ведется не только мелкими группами. Террористы могут захватывать целые страны, как это было в Афганистане. При определенных обстоятельствах возможно возникновение и крупномасштабной региональной войны, непосредственной угрозы которой пока нет, но полностью ее исключить нельзя.

С учетом всего этого, необходимо, во-первых, при всех обстоятельствах сохранить ядерную мощь России; во-вторых, создать единую систему воздушно-космической обороны страны; в-третьих, уделять должное внимание и развитию сил общего назначения – военно-воздушных сил (ВВС), военно-морского флота (ВМФ), сухопутных войск.

Суждения о ненужности сухопутных войск в современных условиях носят неправомерный характер. Даже для оккупации такого государства, как Ирак, США вынуждены собирать коалицию из 35 стран. При огромной территории России, при усилении угрозы на востоке и юге, где делается основная ставка на наземную составляющую военной силы, наша страна без достаточно сильных группировок сил общего назначения обойтись не может.

В связи с этим, в дополнение к производимым в настоящее время организационным преобразованиям, следует обеспечить мобилизационную готовность ВС к ведению крупномасштабных войн. Понятно, что в деле военного строительства приходится исходить из установленных государством рамок, ресурсов, численности ВС. Вместе с тем, оборонные задачи существуют объективно и их отменить невозможно. Как показала Великая Отечественная война, если страна по каким-то соображениям снимает

те или иные оборонные задачи, то в реальной жизни она все равно с ними столкнется, их поставит перед ней противник. Военную организацию России необходимо строить, исходя из реальных угроз и вытекающих из них оборонных задач, а не на основе 10–15 отвлеченных принципов, одинаково годных для разных стран, как это предлагают некоторые “эксперты”.

Решения правительства при всех обстоятельствах положено выполнять, но вместе с тем стоит искать альтернативные пути более экономного и эффективного решения оборонных задач. Например, несмотря на все еще раздающуюся критику мобилизационных факторов и методов ведения войны, приходится признать, что Великую Отечественную войну мы выиграли за счет тотальной мобилизации всех материальных и духовных сил страны. Как это ни прискорбно, не кадровая армия, а, по существу, заново отмобилизованные в ходе войны Вооруженные Силы привели нас к победе.

Уже упоминалось, с каким трудом пришлось собирать по крохам силы и средства для доукомплектования частей во время первой чеченской войны. Даже опыт локальных войн показывает, что в серьезной войне регулярной, кадровой армии может хватить на одну-две недели войны. Затем ее надо подкреплять новыми силами и средствами. В новых планах по приданию ВС нового облика мы, безусловно, получаем, особенно в сухопутных войсках, ряд преимуществ с точки зрения повышения боевой готовности соединений, мобильности и гибкости управления ими. Но отсутствие полноценных комплектов артиллерии, средств противовоздушной обороны, авиации, инженерных войск в оперативно-стратегических и оперативных объединениях существенно снижает огневую мощь группировок ВС на важнейших стратегических направлениях.

На наш взгляд, мобилизационному компоненту необходимых на время войны контингентов ВС можно было бы создать путем использования американского опыта создания Организованного резерва и Национальной гвардии, которые содержатся вне установленной для ВС численности. Особенно это важно для формирования артиллерийского резерва ВГК. Известно, что во время войны в наших стрелковых дивизиях было меньше артиллерии, чем в германских. Но за счет формирования и умелого использования артиллерии резерва ВГК, усиления артиллерией ударных группировок, действовавших на главных направлениях, мы добились того, что в итоге в Советской Армии постоянно активно воевало около 60%, а в вермахте – не более 48% всей артиллерии. Это давало нам большое преимущество.

Для всех очевидно и то, что существенно изменяются способы ведения вооруженной борьбы. Прежде всего, изменяется соотношение прямых и непрямых действий в стратегии. Непрямые действия, связанные с политическим, экономическим и морально-психологическим воздействием на противника, со способами его дезинформации и подрыва изнутри, всегда играли большую роль. Но в условиях господства идей тотальной войны прямые действия и кровопролитные сражения нередко превращались в самоцель, отодвигая на второй план другие средства. В современных условиях, когда ядерное оружие ограничивает стратегические цели, роль непрямых действий значительно возрастает. Речь идет о большей гибкости военного искусства и более полном использовании всего разнообразия средств и способов, в том числе невоенных и нетрадиционных.

Есть основание полагать, что контуры вооруженной борьбы будущего еще четко не определились и, по крайней мере, в военной печати они рассматриваются однобоко. Операции, проведенные вооруженными силами США и других стран НАТО в Ираке, Югославии, Афганистане, носили, по существу, односторонний характер. И еще далеко не ясно, какой характер приобретут военные операции при более высоком уровне применяемых технологий и более активных, решительных действиях другой стороны. Например, во Вьетнаме из запущенных противолокационных ракет “шрайк” вначале каждая вторая, а затем только каждая третья-четвертая попадали в цель. В 1971 г. в зоне Суэцкого канала из запущенных израильтянами за один день, 18 апреля, 72 ракет цели достигла лишь одна. Там были включены на фронте 100 км более 150 различных радио-локационных станций и “шрайки” начали терять цель.

Конечно, такие новые явления, как бесконтактные операции, существенно меняют характер вооруженной борьбы и при пассивном сопротивлении, как это было в районе Персидского залива или Югославии, приводят к неизбежному поражению противника. Это надо учитывать. Вместе с тем, недопустимо, когда дело изображается таким образом, что предстоящие войны обязательно будут носить односторонне-полигонный характер, где жертва агрессии непременно обречена на поражение. Такая точка зрения ориентирует на обреченность и капитулянство, бесполезность сопротивления технологически превосходящему противнику. На наш взгляд желательно более реалистично изучать эти новые явления, не впадая в крайности; искать обоснованные ответы на возникающие сложные и трудные вопросы. Но уже сейчас со всей очевидностью проглядывается два направления, которых мы должны придерживаться: прежде всего, настойчиво добиваться принятия кардинальных решений в государственном масштабе, направленных на создание и развитие своих дальнобойных высокоточных видов оружия в СВ, ВВС и ВМФ. При этом недостаточно формально определить приоритеты – нужна такая же решительная концентрация финансовых и интеллектуальных сил, как это было сделано в послевоенные годы при создании ракетно-ядерных средств. Основной упор следует сделать на средства радио-электронной борьбы и другие, более дешевые, асимметричные средства вооруженного противодействия.

Одновременно стоит разрабатывать и осваивать более активные, решительные способы стратегических и оперативно-тактических действий, навязывать противнику такие действия, в том числе контактные, которых он больше всего избегает. Напомним, что в 1941 г. советское командование, несмотря на потери значительной части авиации и вынужденное отступление в глубь страны, смогло наносить авиаудары по Берлину и Кенигсбергу. Важно преисполниться решимостью до конца сопротивляться агрессору.

В современных условиях главным в боевых действиях будет не столкновение передовых подразделений, а огневые удары издалека. Но это относится не только к дальнобойным стратегическим средствам. В Великой Отечественной войне мы даже удары артиллерии, авиации сосредоточивали на участках прорыва. В наше время надо стремиться более полно использовать возможности оперативно-тактических средств для нанесения упреждающих ударов по противнику на максимальных дальностях.

При применении ВС для борьбы с террористами необходимы, с одной стороны, активные, упреждающие действия и удары, с другой – высочайшая бдительность личного состава, надежная охрана и оборона всех государственных, общественных и других объектов и элементов оперативного построения войск, баз флота, коммуникаций, аэродромов, пунктов управления, объектов тылового и технического обеспечения. В этом отношении российская армия традиционно уязвима. Во время Второй мировой войны в большинстве освобождаемых нами стран население тепло встречало наших бойцов, оказывало им всяческую поддержку. Наши командиры не приучены к жесткой обороне и охране своих тылов. Некоторые тыловые органы и учреждения привыкли к тому, что им для охраны должны выделяться боевые подразделения. В современных условиях на это надеяться нельзя. Каждый элемент боевого порядка, штабы, тыловые и технические органы должны быть обучены охране, обороне и активной борьбе с террористами самостоятельно.

Таким образом, Великая Отечественная война является богатейшей сокровищницей боевого опыта. Обращаясь к нему, мы каждый раз находим все более ценные крупинки нового. Изучение этого опыта приводит к выводам большого теоретического и практического значения. При этом, исторический опыт должен восприниматься критически, творчески преломляться при решении современных проблем.